Восемь бессмертных

восемь бессмертных, в китайской даосской мифологии популярнейшая группа героев. В неё входили Люй Дун-бинь, Ли Те-гуай, Чжунли Цюань, Чжан Го-лао, Цао Го-цзю, Хань Сян-цзы, Лань Цай-хэ и Хэ Сянь-гу.

Представление о В. б. сложилось в первых веках нашей эры, но как канонизированная группа В. б. утвердились, вероятно, не ранее XI XII вв. Закрепление состава В. б. шло постепенно; например, вместо Хэ Сянь-гу в эту группу нередко входил Сюй-шэньвэн реальный персонаж XII в.

Первоначально главным персонажем был, видимо, Ли Те-гуай, позднее Люй Дун-бинь. Сказания о В. б. разрабатывались в юаньской драме (XIII XIV вв.), пьесах минского времени (XIV XVII вв.) и в поздней, так называемой местной драме.В даосской литературе первым из В. б. упоминается Лань Цай-хэ.

В «Продолжении житий бессмертных» Шэнь Фэня (X в.) Лань описывается как своеобразный юродивый. Он носит рваное синее платье (Лань означает «синий») с поясом шириной более трёх вершков с шестью бляхами чёрного дерева, на одной ноге сапог, другая босая.

В руках у него были бамбуковые дощечки (род кастаньет). Летом утепляет халат ватой, зимой валяется на снегу. Он бродит по городским базарам, распевая песни, которых он знает множество, и прося на пропитание.

Деньги, которые ему давали люди, Лань нанизывал на длинный шнур и тащил его за собой. Временами он терял монеты, раздавал их встречным беднякам или пропивал в винных лавках.

Однажды, когда он пел и плясал подле озера Хаолян и пил вино в тамошней винной

лавке, в облаках показался журавль и послышались звуки тростниковой свирели и флейты. В тот же миг Лань поднялся на облако и, сбросив вниз свой сапог, платье, пояс и кастаньеты, исчез.

В некоторых средневековых текстах Ланя отождествляют с сановником Чэнь Тао, будто бы ставшим бессмертным, и с отшельником X в. Сюй Цзянем, но в юаньской драме «Ханьский Чжунли уводит Лань Цай-хэ от мира» — Лань Цай-хэ — сценическое имя актёра Сюй Цзяня.

Предполагают, что его имя происходит от аналогично звучащего припева в некоторых песнях X–XIII вв. Изображения Ланя появились также в X–XIII вв. Впоследствии при сложении цикла рассказов о В. б. появились сюжеты о встрече Ланя с другими персонажами группы.

При этом он утрачивает свои первоначальные атрибуты — кастаньеты-пайбань и флейту, благодаря которым он в ранний период почитался, видимо, как покровитель музыкантов: кастаньеты переходят к Цао Го-цзю, флейта — к Хань Сян-цзы, а сам Лань изображается с корзиной (Лань означает также и корзину); её содержимое — хризантемы, ветки бамбука — ассоциировалось с бессмертием, а Ланя стали почитать как покровителя садоводства. В фольклоре вечно юный Лань превращается в фею цветов, хотя нередко сохраняет и мужское обличье.Легендарный образ Люй Дун-биня сложился уже к середине XI в., его первое подробное описание содержится в «Заметках из кабинета Неразумного» Чжэн Цзин-би (конец XI в.).

В Юэчжоу (современная провинция Хунань) был построен храм в его честь; он был официально канонизирован в 1111. Согласно преданиям, Люй Янь (его второе имя Дун-бинь, т. е. «гость из пещеры») родился 14-го числа 4-й луны 798.

В момент зачатия с неба к постели матери спустился на миг белый журавль. От рождения Люй имел шею журавля, спину обезьяны, туловище тигра, лик дракона, глаза феникса, густые брови, под левой бровью — чёрная родинка. Люй мог запоминать в день по 10 тысяч иероглифов.

Когда он служил в управе в области Техуа (современная провинция Цзянси), то в горах

Лушань встретил Чжунли Цюаня, который научил его магии, фехтованию и искусству делаться невидимым. Учитель назвал его Чуньян-цзы «сын чистой силы ян (светлого начала)».

По другой версии, пятидесятилетний Люй был вынужден с семьёй бежать в горы Лушань, где Чжунли Цюань обратил его в даосизм. Люй, обещавший учителю помогать людям в постижении дао («пути»), под видом торговца маслом пришёл в Юэян и решил помогать тем, кто не будет требовать вешать с походом.

Таковой оказалась одна старуха. Люй бросил в колодец у её дома несколько рисинок, и вода в нём превратилась в вино, продавая вино, старуха разбогатела.

По наиболее популярной версии легенды, молодой учёный Люй Дун-бинь на постоялом дворе встретился с даосом, который велит хозяйке сварить кашу из проса и в ожидании заказанной еды заводит с Люем разговор о тщете мирских желаний. Люй не соглашается.

Он засыпает и видит во сне свою будущую жизнь, полную взлётов и разочарований, страшных сцен и несчастий. Когда ему грозит смерть, он просыпается и видит себя на том же дворе, хозяйка варит кашу, а даос ждёт еду. Прозревший Люй становится даосским отшельником.

В этой легенде использован сюжет, сложившийся ещё в Танскую эпоху и известный в VIII в. по новелле Шэнь Цзи-цзи «Записки о случившемся в изголовье», где фамилию Люй носит даос. Впоследствии этот сюжет применительно к Люй Дун-биню разрабатывался китайскими драматургами: Ма Чжи-юанем (XIII в.), Су Хань-ином (XVI в.) и др.

Поздняя анонимная пьеса «Сновидение Дун-биня» обычно разыгрывалась в храмах в день рождения одного из верховных даосских божеств Дун-ван-гуна. Известно немало рассказов о появлении Люя среди людей, о чём обычно узнают из оставленных им стихов, которых Люю приписывалось немало.

В народных верованиях Люй святой подвижник, познавший в мирской жизни страдания и решивший служить людям в качестве заклинателя демонов, преследующих беспомощный народ. На лубках он изображается обычно с мечом, разрубающим нечисть, и мухогонкой атрибутом беспечного бессмертного, рядом с ним его ученик Лю («ива»), из остроконечной головы которого растёт ветка ивы (по преданию, это дух старой ивы оборотня, которого Люй обратил в свою веру).

Иногда Люй изображается и с мальчиком на руках пожелание иметь многочисленных сыновей, в этом качестве святого чадопода-теля Люя чтили китайские учёные. Люю приписывалась способность указывать путь к излечению или спасению.

В легендах о Люе заметно буддийское влияние, в частности в истории о чудесном сне. Существуют буддийские толкования его искусства владения мечом как «отрубающим» все страсти и земные стремления.

В позднем даосизме Люй стал почитаться как патриарх некоторых даосских сект.Чжунли Цюань (по другой версии, Хань Чжунли, т. е. Ханьский Чжунли, второе имя Юнь-фан «облачный дом») происходил будто бы из-под Сяньяна в провинции Шэньси.

Предания о Чжунли сложились, видимо, к X в., хотя рассказывается, что он сам относил своё рождение к эпохе Хань (во II III вв. н. э.). Согласно первым упоминаниям о нём (в «Сюань-хэ шу пу» «Перечне каллиграфических надписей годов Сюань-хэ»), он блестящий каллиграф эпохи Тан, у него высокий рост, курчавая борода (по другим источникам, спадавшая ниже пупа), густые волосы на висках, непокрытая голова с двумя пучками волос, татуированное тело, босые ноги.

По поздним преданиям, Чжунли был послан ханьским императором во главе войска против тибетских племён. Когда его воины вот-вот должны были победить, пролетавший над полем брани бессмертный (по некоторым вариантам, Ли Те-гуай) решил наставить его на путь (дао), подсказал неприятелю, как одержать победу над Чжунли.

Войско Чжунли было разбито, а сам он бежал в пустынные земли. В отчаянии он обратился за советом к повстречавшемуся монаху, и тот отвёл его к Владыке Востока, покровителю всех бессмертных мужского пола, который посоветовал Чжунли отказаться

от помыслов о карьере и отдать все силы постижению дао.

Чжунли занялся алхимией и научился превращать медь и олово в золото и серебро, их он раздавал беднякам в голодные годы. Однажды перед ним раскололась каменная стена, и он увидел нефритовую шкатулку в ней оказались наставления о том, как стать бессмертным.

Он внял им, и к нему спустился журавль, сев на которого Чжунли улетел в страну бессмертных. Чжунли изображается обычно с веером, способным оживлять мёртвых.

Чжунли был канонизирован при монгольской династии Юань, в XIII XIV вв., что было связано с его почитанием в качестве одного из патриархов некоторых популярных даосских сект.Чжан Го-лао (лао, «почтенный»), один из В. б., видимо, есть обожествлённый даосами герой, живший в эпоху Тан при императоре Сюань-цзуне (VIII в.). Его жизнеописание имеется в официальных историях династии Тан.

Наиболее ранняя запись о нём у Чжэн Чу-хуэя (IX в.), где он описан как даос-маг. Чжан ездил на белом осле, способном пробежать в день 10 тыс. ли. Остановившись на отдых, Чжан складывал его, словно бумажного. Когда надо было ехать снова, он брызгал на осла водой и тот оживал.

Согласно наиболее ранней из легенд, связанных с жизнью Чжана при дворе Сюань-цзуна, Чжан таким же образом оживил мага Шэ Фа-шана, который раскрыл императору тайну о том, что Чжан есть дух оборотень белой летучей мыши, появившейся в период сотворения мира из хаоса (по другим легендам, Чжан будто бы родился при мифическом первопредке Фу-си или при легендарном государе Яо), и, поведав это, тотчас же испустил дух. Чжану приписывалась способность предугадывать будущее и сообщать о событиях далёкого прошлого.

Чжан Го-лао изображается обычно в виде старца-даоса с бамбуковой трещоткой в руках, нередко сидящим на осле лицом к хвосту. Лубки с его изображениями (Чжан подносит сына) часто вешали в комнате новобрачных.

По-видимому, здесь произошла контаминация его образов Чжана и Чжан-сяня, приносящего сыновей. У народа мяо (Западной Хунани) Чжан Го-лао превратился в мифического героя, поразившего железными стрелами из железного лука 11 из 12 светивших одновременно солнц и лун, а также пытавшегося срубить растущее на луне дерево, заслоняющее её свет.

Он уснул под деревом и оказался навсегда погребённым в его стволе. В этих мифах Чжан как бы заместил одновременно двух героев китайской мифологии: стрелка И и У Гана.Ли Те-гуай (Ли «железная клюка», иногда Те-гуай Ли) один из самых популярных героев цикла о В. б.

Его образ сложился, видимо, к XIII в. на основе преданий о различных бессмертных хромцах. Ли обычно изображается высоким человеком с тёмным лицом, большими глазами, курчавой бородой и курчавыми волосами, схваченными железным обручем.

Он хром и ходит с железным посохом. Его постоянные атрибуты тыква-горлянка, висящая на спине, в которой он носит чудесные снадобья, и железная клюка.

В драме Юэ Бочуаня (XIII XIV вв.) «Люй Дун-бинь обращает в бессмертные Ли-Юэ с железной клюкой» бессмертный Люй Дун-бинь возродил некоего чиновника, умершего от страха перед сановником, в облике мясника Ли (отсюда и новая фамилия), а затем сделал бессмертным. По другой версии, отражённой в романе «Путешествие на Восток» (XVI XVII вв.), даос Ли Сюань, познав тайны дао, оставил своё тело на попечение ученика, а свою душу направил в горы, предупредив, что вернётся через семь дней, в противном случае он велел ученику сжечь тело.

Через шесть дней ученик узнал о болезни матери, сжёг тело учителя и поспешил домой. Вернувшейся душе Ли Сюаня ничего не оставалось, как войти в тело умершего хромого нищего.

Впоследствии он явился в дом ученика, оживил его мать, а через 200 лет взял и ученика на небо.По другой версии, зафиксирован ной в сочинении филолога Ван Шичжэня (1526 90), Ли жил будто бы в VIII в. Он 40 лет постигал дао в горах Чжуннаньшань, а потом, оставив в хижине тело, отправился странствовать.

Тело растерзал тигр, а вернувшаяся душа вселилась в плоть умершего хромого нищего. Существуют рассказы о том, как Ли переплывал реку на листке бамбука и продавал на базаре чудотворные снадобья, излечивавшие от всех болезней.

Ли почитали как покровителя магов, его изображения служили знаком аптекарских лавок.К эпохе Сун относятся и первые записи о Хань Сяне. В основе образа Хань Сяна реальная личность, племянник знаменитого мыслителя и литератора Танской эпохи Хань Юя (768 824), являвший полную противоположность своему дяде, конфуцианцу-рационалисту, не верившему ни в буддийские, ни в даосские чудеса.

Все основные легенды о Хань Сяне и посвящены показу превосходства даосов над конфуцианцами. По одной из них, когда Хань Юй во время засухи безуспешно пытался вызвать по повелению государя дождь, Хань Сян, приняв облик даоса, вызвал дождь и снег, специально оставив усадьбу дяди без осадков.

В другой раз на пиру у дяди Хань Сян наполнил таз землёй и вырастил на глазах у гостей два прекрасных цветка, среди которых проступали золотые иероглифы, образующие двустишье: «Облака на хребте Циньлин преградили путь, где же дом и семья? Снег замёл проход Ланьгуань, конь не идёт вперёд».

Смысл этих строк Хань Юй понял позже, когда за выступление против буддизма был отправлен в ссылку на юг. Добравшись до хребта Циньлин, он попал в пургу, а явившийся в облике даоса Хань Сян напомнил ему о пророческих стихах и всю ночь рассказывал о даосских таинствах, доказывая превосходство своего учения.

На прощание Хань Сян подарил дяде фляжку из тыквы-горлянки с пилюлями от малярии и исчез навсегда. Встреча в горах Циньлин стала популярной темой картин уже у сунских живописцев.

Хань Сян изображался также с корзиной цветов в руках и почитался в качестве покровителя садовников. Легенды о Хане зафиксированы также у среднеазиатских дунган (Хан Щёнзы), где он выступает как маг и чародей.Бессмертный Цао Го-цзю, согласно «Запискам о чудесном проникновении бессмертного государя Чуньяна» («Чуньян дицзюнь шэньсянь мяотун цзи» Мяо Шань-ши, примерно начало XIV в.), был

сыном первого министра Цао Бяо при сунском государе Жэнь-цзуне (правил в 1022 1063) и младшим братом императрицы Цао (Го-цзю не имя, а титул для братьев государыни, буквально «дядюшка государства»).

Цао Го-цзю, презиравший богатство и знатность и мечтавший лишь о «чистой пустоте» даосского учения, однажды попрощался с императором и императрицей и отправился бродить по свету. Государь подарил ему золотую пластину с надписью: «Го-цзю повсюду может проезжать, как сам государь».

Когда он переправлялся через Хуанхэ, перевозчик потребовал с него деньги. Он предложил вместо платы пластину, и спутники, прочитав надпись, стали кричать ему здравицу, а перевозчик обмер от испуга.

Сидевший в лодке даос в рубище закричал на него: «Коль ушёл в монахи, чего являешь своё могущество и пугаешь людей?». Цао склонился в поклоне и сказал: «Как смеет Ваш ученик являть свое могущество!» «А можешь бросить золотую пластину в реку?» спросил даос.

Цао тут же швырнул пластину в стремнину. Все изумились, а даос (это был Люй Дун-бинь) пригласил его с собой. По более поздней версии, Цао пережил тяжёлую трагедию из-за беспутства своего брата, желавшего овладеть красавицей-женой одного учёного, которого он убил.

По совету Цао брат бросил в колодец красавицу, но её спасает старец дух одной из звёзд. Когда женщина просит защиты у Цао, тот велит избить её проволочной плетью.

Несчастная добирается до неподкупного судьи Бао, который приговаривает Цао к пожизненному заключению, а его брата казнит. Государь объявляет амнистию, Цао Го-цзю освобождают, он раскаивается, надевает даосское платье и уходит в горы.

Через несколько лет он встречает Чжунли и Люя, и они причисляют его к сонму бессмертных. Цао Го-цзю изображается обычно с пайбань (кастаньетами) в руках и

считается одним из покровителей актёров.

Цао был присоединён к группе В. б. позже остальных.К числу В. б. принадлежит и женщина Хэ Сянь-гу (буквально, «бессмертная дева Хэ»). Существует много местных преданий о девицах, носивших фамилию Хэ, которые слились, видимо, впоследствии в единый образ.

В «Записках у Восточной террасы» Вэй Тая (XI в.) рассказывается о девице Хэ из Юнчжоу, которой в детстве дали отведать персика (или финика), после чего она никогда не чувствовала голода. Она умела предсказывать судьбу.

Местные жители почитали её как святую и называли Хэ Сянь-гу. По «Второму сборнику зерцала постижения дао светлыми бессмертными всех эпох» Чжао Дао-и (XIII XIV вв.), Хэ была дочерью некоего Хэ Тая из уезда Цзэ-нчэн близ Гуанчжоу.

Во времена танской императрицы У Цзэ-тянь (правила в 684 704) она жила у Слюдяного ручья. Когда ей было 14 15 лет, во сне ей явился святой и научил питаться слюдяной мукой, чтобы сделаться лёгкой и не умереть. Она поклялась не выходить замуж.

Впоследствии она средь бела дня вознеслась на небеса, но и потом не раз появлялась на земле. Считается, что святым, наставившим её на путь бессмертия, был Люй Дун-бинь.

Однако первоначально в середине XI в., когда предания о Хэ получили широкое распространение, они не были связаны с легендами о Люе. По ранним версиям, Люй помогал другой девице Чжао, впоследствии её образ слился с образом Хэ.

К концу XVI в. уже было, видимо, распространено представление о Хэ Сянь-гу как о богине, сметающей цветы подле Небесных врат (по преданию, у ворот Пэнлай росло персиковое дерево, которое цвело раз в 300 лет, и тогда ветер засыпал лепестками проход через Небесные врата) и связанной с Люем. Именно по его просьбе Небесный

государь включил Хэ в группу бессмертных, а Люй, спустившись на землю, наставил на путь истинный другого человека, который и заменил её у Небесных врат.

Эта функция Хэ Сянь-гу отразилась косвенно и на изображениях. Её атрибут цветок белого лотоса (символ чистоты) на длинном стебле, изогнутом подобно священному жезлу жуи (жезлу исполнения желаний), иногда в руках или за спиной корзина с цветами, в отдельных случаях происходит как бы совмещение чашечки цветка лотоса и корзины с цветами.

По другим версиям, её атрибут бамбуковый черпак, поскольку у неё была злая мачеха, заставлявшая девочку трудиться на кухне целыми днями. Хэ проявляла исключительное терпение, чем тронула Люя, и тот помог ей вознестись на небеса.

В спешке она захватила с собой черпак, поэтому иногда Хэ почитают как покровительницу домашнего хозяйства.Кроме отдельных преданий о каждом из В. б. существуют также рассказы и о их совместных деяниях (о путешествии В. б. за море, о посещении хозяйки Запада Си-ван-му и др.). Эти легенды составили к XVI в. единый цикл и были использованы писателем У Юнь-таем в его романе «Путешествие восьми бессмертных на Восток» (конец XVI в.), а также в ряде поздних народных драм.

В них рассказывалось о том, как В. б. были приглашены к Владычице запада Си-ван-му и как они решили преподнести ей свиток с дарственной надписью, сделанной по их просьбе самим Лао-цзы. После пира у Си-ван-му В. б. отправились через Восточное море к владыке Востока Дун-ван-гуну.

И тут каждый из В. б. явил своё чудесное искусство: Ли Те-гуай поплыл на железном посохе. Чжунли Цюань на веере, Чжан Го-лао на бумажном осле, Хань Сян-цзы в корзине с цветами, Люй Дун-бинь воспользовался бамбуковой ручкой от мухогонки, Цао Го-цзю деревянными кастаньетами пайбань, Хэ Сянь-гу плоской бамбуковой корзиной, а Лань Цай-хэ стал на нефритовую пластинку, инкрустированную чудесными камнями, излучающими свет.

Сияние плывущей по морю пластины привлекло внимание сына Лун-вана, царя драконов Восточного моря. Воины Лун-вана отняли пластинку, а Ланя утащили в подводный

дворец.

Люй Дун-бинь отправился вызволять товарища и поджёг море, и тогда царь драконов отпустил Ланя, но не вернул пластину. Люй и Хэ Сянь-гу отправились вновь к берегу моря, где и произошло сражение, в котором сын царя драконов был убит. Умер от ран и его второй сын.

Лун-ван пытается отомстить, но терпит поражение. В ходе борьбы В. б. жгут море, сбрасывают в море гору, которая рушит дворец Лун-вана.

И только вмешательство верховного Нефритового государя Юй-ди приводит к установлению мира на земле и в подводном царстве.Изображения В. б. украшали изделия из фарфора, были популярны в живописи, на народных лубках и т. п. В живописи часто встречаются изображения пирующих В. б., сидящих и отдыхающих, переплывающих море или встречающихся с основателем даосизма Лао-цзы. Оригинальную трактовку получили В. б. в современной живописи (Ци Бай-ши, Жэнь Бо-нянь).

Литература :
Пу Цзян-цин, Ба сянь као (Разыскания о Восьми бессмертных), в его кн.: Вэнь лу, (Собр. соч.), Пекин, 1958, с. 1□46;
Чжао Цзин-шэнь, Ба сянь чуаньшо (Легенды о Восьми бессмертных), в его кн.: Сяошо сяньхуа (Заметки о прозе), Шанхай, 1948, с. 66□103;
Попов П. С., Китайский пантеон, в кн.: Сборник Музея по антропологии и этнографии, в. 6, СПБ, 1907, с. 1□86;
Шкуркин П. В., Очерки даосизма, ч. 2, Харбин, 1926; его же, Путешествие Восьми бессмертных, Харбин, 1926;
Lai Tien-ch□ang, The eight Immortals, Hong-Kong, 1972.Б. Л. Рифтин.